

Клиника доктора Паркинсона

Марина Гостневская

18+

Триллеры, мистические детективы

Марина Гостневская

Клиника доктора Паркинсона

«Автор»

2025

Гостневская М.

Клиника доктора Паркинсона / М. Гостневская — «Автор»,
2025 — (Триллеры, мистические детективы)

На пустынной дороге найден человек, потерявший память. На его теле обнаружены ужасные шрамы, которые подозрительно быстро зарастают. Несколько месяцев ранее молодая девушка устраивается на работу в таинственный хоспис. Спустя некоторое время она понимает, что в стенах клиники происходит нечто странное...жанр: триллерВсе книги серии являются самостоятельными историями и могут быть прочитаны в любой последовательности.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Барни. Призрак в пижаме	6
Глава 2. Детектив Томми Бейкер	8
Глава 3. Мила. Несколькоими месяцами ранее. Хоспис в лесу	11
Глава 4. Мила. Особняк с секретом	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Гостневская

Клиника доктора Паркинсона

Пролог

Девушка в ужасе замерла, прижав руки к лицу, чтобы не закричать.

Огромная черная тень становилась все более осязаемой, плотной, пока не превратилась в страшное чудовище с глубокими провалами вместо глаз и цепкими когтистыми лапами. Оно расправило крылья, заполнив собой почти всю операционную, но врачи в белых халатах совершенно не замечали страшное существо. Они склонились над обескровленным телом пациента, разглядывая свежий разрез на его груди.

Мила собственными глазами видела, откуда появилось черное нечто, и это привело ее в еще больший ужас. Неожиданно призрак повернул голову в ее сторону и уставился на девушку пустыми глазницами. Испуганная медсестра спряталась за дверь. Если чудовище поймет, что она его видит – случится непоправимое...

Глава 1. Барни. Призрак в пижаме

Старый пикап несся по пустынному шоссе, вспарывая серые сумерки дальним светом фар. Этот участок дороги всегда был безлюдным, на много миль вокруг ни одного города или хотя бы деревни. Черные деревья подступили вплотную к обочине и напоминали высокий забор из острых кольев.

В салоне играла бодрая музыка и мужчина за рулем уверенно давил на газ. Барни любил длительные поездки и на пустой дороге чувствовал себя гораздо комфортнее, чем дома в окружении семьи. А семья была большая – жена, теща, трое малолетних детей и бестолковый слюнявый лабрадор. Барни любил своих близких, но иногда шумное семейство начинало его утомлять. Постоянные претензии жены, ворчание тещи, вопли детей и собачья шерсть кого угодно доведут до ручки. После очередного шумного скандала с криками, боем посуды, взаимными обвинениями, фальшивым сердечным приступом «любимой» мамочки и воем ошавшей собаки, которой приспичило в полночь по нужде, несчастному Барни захотелось сбежать подальше от сумасшедшего семейства. Несколько часов он гнал по пустынному шоссе и слушал любимую музыку в полной тишине. Для матерого интроверта такие поездки заменяли личного психотерапевта, успокаивали нервы и здорово прочищали мозги.

Шоссе сделало крутой поворот, и машина вырулила на мост. Водитель прекрасно знал дорогу, гонял по ней не раз и заранее притормозил, чтобы не вылететь в кювет. Вдобавок мост был старым, железные стыки неровные, а сквозь большие щели деревянного покрытия блестела горная река. Весной она была полноводной и несла с гор потоки ледяной воды, а к осени русло заметно сужалось, поток воды замирал, а вода становилась черной, как траурное зеркало.

Неожиданно из темноты появилась странная фигура, Барни даже показалось, что это призрак в белом одеянии. Водитель чертыхнулся и дал по тормозам, машина резко остановилась всего в полуметре от высокого худого человека. Он что, совсем с ума сошел?! Стоять на мосту в полной темноте прямо посреди дороги! А если бы он не успел затормозить?

Барни приоткрыл окно и уже собирался обматерить незадачливого пешехода, но замер в изумлении. Перед капотом стоял мужчина в белой пижаме и одном мокром тапочке. Другая нога была босой, ободранной, с прилипшими бурыми листьями. Человек щурился на яркий свет фар и уходить с дороги не собирался. Но как он очутился на мосту поздней осенью среди темного леса?

Барни стало жаль странного мужика, и он вышел из машины. Правда предварительно вытащил из бардачка пистолет, мало ли какая подстава. Он недавно получил разрешение на ношение оружия и теперь везде таскал его с собой.

– Сэр, как Вы здесь оказались? – спросил Барни и сделал осторожный шаг в сторону белой фигуры.

Мужчина рассеянно покрутил головой:

– Я... Я не знаю.

– Вам нужна помощь?

Человек снова огляделся по сторонам, словно увидев окружающую обстановку впервые:

– Да... Наверное нужна. Я так полагаю...

«Вот бедолага! – подумал про себя Барни. – Небось надрался где-нибудь в баре до потери сознания, по дороге поругался со своей бабой, и та выкинула его прямо на трассе». Его жена бы точно выкинула, выпей он лишнего.

Но, с другой стороны, почему мужик в одной пижаме? Да и вид у него слишком интеллигентный для гуляки, такие обычно не шляются по кабакам и не бухают в обществе проституток. Нет ли тут какого криминала? Барни огляделся по сторонам и принял решение отвезти

странного мужика в ближайший полицейский участок. Пусть копы сами разбираются, что с ним и как.

– Пойдемте, я Вас отвезу, – Барни посадил пассажира в машину и даже включил в салоне печку. Несчастный промерз до костей в своей тонкой пижаме и теперь трясся, как осиновый лист.

– Я Барни А тебя как зовут? – спросил водитель, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

– Я... Я не знаю.

Отлично! Привидение в пижаме даже не помнит своего имени! Кстати, алкоголем от странного спутника совершенно не пахло. Может он наркоман? Но что он делает в лесу один и почти голый? Барни замолчал и решил побыстрее доставить мужика в город. Остальная часть пути прошла в полной тишине, тип в пижаме смотрел на дорогу стеклянными глазами и словно окаменел. Ну точно – наркоман. Как бы он не помер раньше времени от передоза, тогда проблем не оберешься.

Наконец впереди замаячили огни небольшого провинциального города, и водитель сильнее надавил на газ. Еще несколько минут Барни плутал по пустынным улицам и наконец остановился у полицейского участка.

Глава 2. Детектив Томми Бейкер

Детектив Бейкер сидел в кабинете и просматривал на компьютере старые дела. Он совсем недавно перешел на новую работу и еще не до конца понимал, чем ему придется заниматься. Какие-то полгода назад Томми был ярким материалистом, работал в убийном отделе занимался раскрытием заказных убийств и других тяжких преступлений. Но одно дело оказалось слишком запутанным, да и странностей в нем было через край. Бейкер впервые понял, что мир гораздо многообразнее и загадочнее, чем думалось в начале. И многие события невозможно объяснить с точки зрения логики и здравого смысла, остается только принять, как данность.

Во время расследования запутанного дела Томми познакомился с Димитрисом — столетним гением, работающим в одной из секретных правительственных организаций. Несмотря на более чем преклонный возраст, старик продолжал трудиться на благо общества, был умным, хватким и внешне выглядел лет на семьдесят с небольшим. Именно он подсказал Бейкеру верное решение в отношении того запутанного дела и еще здорово раздвинул границы понимания мироустройства. Теперь Томми знал, что вокруг существует множество потусторонней дряни, необъяснимого и даже ужасного. И хотя детектив продолжал относиться ко всему происходящему с изрядной долей скептицизма, умом он все равно понимал, что стоит только на первой ступени познания. Впереди еще длинная и трудная дорога, возможно он вообще не сможет принять иную реальность, которая существует параллельно привычной жизни.

Когда расследование запутанного дела было окончено (а если точнее, то люди Димитриса вмешались и грамотно разрулили ситуацию, чтобы она выглядела правдоподобной для простых смертных), старик пригласил Бейкера к себе на работу. Правда, заранее предупредил, что странностей в ней будет через край. И Томми придется засунуть все привычные взгляды на мир поглубже в жопу, чтобы не оставалось иллюзий.

Бейкер, не раздумывая, согласился, тем более терять ему было нечего. Семей при своей сволочной работе он не обзавелся, любимой девушки и близких друзей тоже не нашёл. Когда большую часть жизни проводишь среди серийных убийц, садистов или маньяков, то невольно начинаешь недолюбливать людей. В редкие выходные Бейкер предпочитал посидеть на берегу реки с удочкой или выпить пива в местном баре в полном одиночестве.

А сейчас его жизнь круто переменялась. Последний месяц детектив жил в старинном городе на последнем этаже каменного дома под черепичной крышей. Несмотря на отсутствие лифта, перебои с горячей водой и устаревший интерьер, новая квартира Томми очень нравилась. В маленькой гостиной сохранился настоящий камин, а высокий белый потолок подпирали балки из темного дерева. За окном открывался потрясающий вид на город и даже был виден купол древнего собора. Прекрасное место, чтобы начать жизнь с чистого листа и забыть про свору жестоких маньяков и результаты их кровавой деятельности. Томми не был слишком впечатлительным, времена, когда он и не спал по ночам, вспоминая очередную истерзанную жертву, остались далеко в прошлом. Приобретенный с годами цинизм помогал сохранить душевное и телесное здоровье. А если начнешь сочувствовать всем подряд, оплакивать каждого убитого — толкового расследования точно не выйдет.

Правда, судя по рассказам Димитриса, новая работа не обещала быть позитивной. В потусторонней реальности частенько происходили убийства, необъяснимые исчезновения, а несчастных жертв терзали все, кому не лень, впрочем, как и в обычной жизни. Но несмотря на все предостережения и страшные байки о темной стороне мира, Бейкер находился в прекрасном расположении духа. Он листал старые дела для ознакомления с будущей профессией и постоянно ловил себя на мысли, что не особенно верит в произошедшее. Ну слишком уж фантастично все выглядит, как сюжет из дешевого триллера.

Неожиданно дверь в кабинет распахнулась и на пороге появился столетний Димитрис. Седой пух на голове стоял дыбом, глаза были безумные, а в руках он держал допотопную картонную папку с тряпочными завязками.

«Ты сам, как нафталиновый призрак из детской страшилки», – подумал Томми, но вслух ничего не сказал.

– Привет, охламон! Как бодрость духа? – весело заорал Димитрис. Старик особенно не церемонился, но Томми даже нравилась такая простота. Его бывший шеф был жуткий сноб и первостепенный хам, так что Димитрис на его фоне выглядел просто душкой.

– Добрый день! Да вот, изучаю... – Бейкер кивнул в сторону монитора.

– И как тебе? – Димитрис склонил голову на бок и стал похож на любопытную птицу.

– Даже не знаю... Фантастика какая-то. Прямо, как в сказке.

– Страшной сказке, – уточнил Димитрис.

А потом помолчал и добавил:

– Ну, ладно. Теории достаточно, быстрее научишься в бою. Вот тебе первое дело!

И старик бросил на стол картонную папку с тряпичными завязками. Несмотря на то, что Димитрис прекрасно владел компьютером, его страсть к бумажным документам оставалась неистребимой.

– Я могу ознакомиться?

– Валяй, – старик плюхнулся в кресло напротив, – мне интересно твое непредвзятое мнение. Не замыленный глаз, так сказать.

Томми развязал дурацкие тесемки и вытащил несколько листов бумаги, а затем внимательно прочитал всю информацию. На первый взгляд ничего необычного и даже криминального в ней не было. В лесу на трассе проезжающий водитель подобрал мужчину, на вид 40-45 лет с полной потерей памяти. Следов алкоголя или наркотических веществ в крови не обнаружено. На теле присутствуют шрамы, предположительно послеоперационные, но вмешательство проводилось давно, все рубцы едва заметны. Один из шрамов очень бросался в глаза, он начинался от самой шеи, тянулся вдоль груди и заканчивался у пупка – не иначе мужику проводили серьезную полостную операцию. Своего имени несчастный не помнил, как не помнил места, где ранее проживал. К тому же не мог внятно объяснить, как оказался ночью на мосту за несколько километров от ближайшего города.

В момент обнаружения неизвестный был одет в одну лишь пижаму и тапочек. Вторым видимо потерялся в лесу, пока мужик шел через бурелом. На это обстоятельство указывали поврежденные ноги и царапины от веток на лице. А вот на спине выделялись глубокие раны, словно от когтей птицы или железных крючьев. О пропаже человека с такими приметами никто не заявлял. Но откуда-то же он взялся? И где-то раньше проживал?

Томми еще раз внимательно посмотрел на фотографии. На запястьях и щиколотках остались едва заметные следы, словно от веревок или наручников.

– Что думаешь? – снова спросил Димитрис и заелозил в кресле.

– Если бы не вот эти следы, – Томми указал на красноватые полосы на руках мужчины, – то человека в пижаме можно принять за обычного потеряшку. И еще следы на спине тоже выглядят подозрительно... Очень похожи на следы когтей или металлических крюков... Тут явно дело нечисто. Мужика где-то удерживали, возможно пытали, да и потеря памяти может быть не случайной. На голове есть травмы? Гематомы, ушибы?

– Нет. Башка целенькая.

– Почему дело передали именно нам? Со стороны выглядит, как обычный криминал, без всяких потусторонних признаков.

Томми уже знал, что отдел Димитриса не занимается маньяками или криминальными разборками. А вот всякие странности и непонятные явления как раз его профиль.

– Из-за следов на спине, – пояснил старик, – выглядят они необычно и главное, зарастают слишком быстро. Прямо на глазах. Вот смотри.

Димитрис кинул на стол еще несколько цветных фото, которые прятал в кармане пиджака. Если на первых изображениях шрамы были свежие, глубокие и даже кровоточили, то на других они затянулись и побелели.

– А вот это сняли сегодня утром, – старик положил еще одно фото, где спина неизвестного была практически гладкой, – наши думают, что это какая-то неизвестная болезнь, либо мужик обладает феноменальным иммунитетом. Или вообще пришел из потустороннего мира, вроде ангела...

– Ага, а крылья ему местные алкаши оторвали? – не удержался Томми. В ангелов он точно не верил.

– Я тоже думаю, что они идиоты, – улыбнулся Димитрис, – начитались фантастики. Вот поэтому я и пригласил тебя. Мне нужен человек со взглядами опытного следака. Ну и чтобы фантазировал поменьше.

С фантазией у Томми действительно была напряженка, он всегда и всему искал логичное объяснение. И десять лет практической работы убедили его в этом окончательно. За каждым таинственным исчезновением, необъяснимым явлением или мистическим событием, как правило, стоял вполне реальный человек, а не призрак. И мотивы преступления были самые низменные, но вполне понятные – жажда наживы, месть, гордыня или зависть. В отдельную категорию выделялись психически больные садисты, шизофреники или ревнивые параноики. Но в их поведении тоже ничего мистического не наблюдалось, главное вовремя поймать придурка и побыстрее упечь в психушку.

Бейкер еще раз посмотрел на фотографии затянувшихся шрамов на теле неизвестного мужика.

– Ладно, я подумаю. А есть эти же данные, только в электронном виде? – осторожно спросил Бейкер. Все эти папочки с завязками и горы бумажек он терпеть не мог и привык работать с информацией в компьютере, а не сидеть в пыльном архиве среди кипы уголовных дел.

– Конечно. Я выслал тебе на почту. Надумаешь чего, приходи. И наших олухов привлекай к делу, если запросы надо отправить или присмотреть за кем, – с этими словами старик скрылся за дверью.

Глава 3. Мила. Несколько месяцами ранее. Хоспис в лесу

Такси притормозило у парадной лестницы двухэтажного особняка. Водитель помог пассажирке выгрузить багаж, быстро сел в машину и рванул к воротам. На ступеньках лестницы осталась стоять растерянная молодая девушка с небольшим чемоданом в руках. Она завороченно смотрела на старинное здание с барельефами и колоннами. Видимо в былые времена особняк принадлежал семье богатого дворянина или даже графа.

Высокие окна с белыми рамами служили настоящим украшением, придавая каменному зданию легкость и даже воздушность. Стены тщательно оштукатурены и выкрашены в серый цвет, крыша из темной черепицы идеально ровная, а у сточных труб скрючились горгульи. Строго, но красиво. Особняк совершенно не напоминал последний приют для смертельно больных, скорее дорожную загородную клинику.

Деревянная дверь открылась и на пороге появилась полная женщина в светло-сером платье и такой же шапочке.

– Добрый день! Вы, наверное, Мила Эванс?

– Добрый день, – вежливо поздоровалась девушка, – да, это я.

– Проходите, не стесняйтесь. Или попросить медбрата помочь Вам с вещами?

– Нет, спасибо. Чемодан совсем легкий, – Мила подхватила поклажу и быстро поднялась по ступенькам. Не станешь же говорить встречающей, что вся одежда на ней и другой попросту нет. И денег на покупку новой тоже нет. Зарплаты медсестры в муниципальном доме престарелых с трудом хватало на аренду комнаты и еду. Это и стало основной причиной смены работы.

– Вы такая молоденькая! Простите, а сколько Вам лет? – продолжала любопытствовать женщина, стремительно двигаясь по длинным коридорам здания, Мила едва за ней поспевала.

– Девятнадцать. Но я имею опыт работы в похожем заведении почти два года, – девушка очень переживала, что работодатель передумает, увидев ее юный возраст. Хотя в резюме она честно указала, сколько ей лет.

– Выглядите моложе, почти девочка, – снова улыбнулась женщина и заметив смущение Милы, добавила, – не хотела Вас обидеть. Меня зовут миссис Моррис. Я работаю в этом заведении уже много лет.

Наконец толстушка остановилась у белой двери на первом этаже. К слову сказать, все двери в коридоре были одинаковые – белые, безликие, с простыми хромированными ручками. На каждой указан маленький номер. Миле досталась комната с номером тринадцать.

– В этом крыле здания проживает обслуживающий персонал, – пояснила миссис Моррис и открыла дверь одним из ключей, висящих у нее в связке, – вот Ваша комната. Санузел и душевые общие и расположены в конце коридора. Отдельно мужские и женские, так что не переживайте. И вообще у нас с этим строго, всякие э-э-э... связи не приветствуются руководством.

– Я и не собиралась..., – пробормотала смущенная Мила, заливаясь краской. Неужели у нее такой вид, что требуется предупреждение?

– Вот и отлично, – заулыбалась ее собеседница, – располагайтесь, примите душ после дороги, рабочая форма в шкафу. Вы голодны? Полдник только через час, но я могу попросить на кухне приготовить Вам поесть.

– Нет, спасибо, я не голодна, – тихо ответила девушка хотя ничего не ела с самого утра.

Дорога в загородный хоспис оказалась очень долгой и утомительной. Сначала она четыре часа добиралась на поезде до небольшого провинциального городка, а потом еще час ехала на

такси. Стоимость поездки пробила серьезную дыру в ее скромном бюджете и в заначке почти ничего не осталось. Миле очень нужна эта работа и она готова приложить все усилия, чтобы остаться здесь надолго.

До шестнадцати лет девочка жила в небольшом провинциальном городе, который не сразу отыщешь на карте. Мама была учительницей младших классов, тихой, интеллигентной и отчаянно некрасивой. Издалека женщина напоминала пожилую серую моль. Своего отца Мила не знала. Какой-то командировочный зарулил в Богом забытый городишко и с пьяных глаз закрутил роман с немолодой учительницей. Папаша унесся в светлые дали, а педагог родила дочку, в утешение на старости лет.

Девочка росла тихой, беспроblemной, старательно училась и стойко переносила все тяготы нищей жизни вместе с мамой. Донашивала перелицованные платья, штопала драные колготки и питалась жидким овощным супом. Правда в их маленьком городе богатеев не было, так что соседки по парте выглядели немногим лучше. У большинства из них комплектом к беспросветной нищете шел алкоголик-папаша или брат-наркоман. У Милы дома было спокойно, никто не устраивал драк, не орал матом и не выбрасывал стулья в окно. Так что в отсутствии отца даже находились свои плюсы.

Несмотря на все старания мамы-педагога, девочка талантами не блистала и училась очень средне, с такими способностями высшее образование на бюджетном отделении ей точно не светило. К окончанию школы остро встал вопрос, чем же заниматься дальше. Остаться в убогом городишке и повторить судьбу матери Миле очень не хотелось, и она вместе с подружкой поступила в медицинское училище в ближайшем крупном городе. Мама возражать не стала, вдруг дочке улыбнется удача и она выйдет замуж за приличного человека.

У Милы до сих пор перед глазами стоял образ родительницы – серая моль в старой шали машет ей вслед и тайком утирает слезы. С того времени они ни разу не виделись, ни у той, ни у другой не было денег на поездку. Правда раз в неделю девушка звонила маме и бодрым голосом рассказывала, что у нее все хорошо. И так матери не сладко, не хватало расстраивать ее своими проблемами.

Жизнь в большом городе оказалась суровой. Мизерной стипендии с трудом хватало на еду, последние дни перед зачислением денег частенько приходилось голодать. Общежитие было старым, холодным, по гулким коридорам гуляли сквозняки. В общих душевых из ржавых леек текла только холодная вода, чтобы нормально помыться приходилось греть воду в чайнике.

Подружка быстро нашла себе немолодого любовника, бросила училище и съехала к сожителю. Мила не могла так цинично торговать телом, в ее голове еще оставалась мечта о настоящей любви. Правда никто из городских ребят не обращал внимание на нищую провинциалку. Девушка не обладала модельной внешностью, длинными ногами и выдающимися формами. Вдобавок одевалась слишком просто и бедно. Если бы кто-то из молодых людей пригляделся, то сразу бы заметил правильные черты лица, большие серые глаза и стройную фигуру. Но никто приглядываться не собирался и Милу в толпе не замечали, словно она была невидимкой.

Через год учебы девушка перешла на вечернее отделение, а днем устроилась работать санитаркой в дом престарелых. Работа была трудной, платили мало, но заработок позволял снять комнату в коммуналке. Все свободное время занимала тяжелая работа, которая совершенно не приносила радости. Это в фильмах показывают, как добрые старички смотрят телевизор и молча едят овсяную кашу. На деле многие из постояльцев оказались капризными скандалистами, озлобленными на весь мир и на медсестру Милу, в частности.

Поначалу девушке показалось, что она попала в филиал ада – постоянная вонь старых и не слишком чистоплотных людей намертво въелась в кожу и преследовала даже дома. Клизмы, судна, памперсы для лежачих стариков, скользкая овсяная каша, размазанная по столам и по полу – это были еще не самые плохие моменты в ее работе. Многие старики страдали демен-

цией, были подозрительными, нервными, обвиняли всех вокруг в воровстве, а Милу записали в отравительницы. Кто пустил мерзкий слухок, установить не удалось, но старичье гадило ей изо всех сил. Травля молодой беззащитной девчонки была одним из немногих доступных развлечений. Старика долгое время находились в полной изоляции от внешнего мира и искусственно создавали хоть какую-то движуху в своем тухлом болоте.

Мила, терпела, сцепив зубы, молча переносила все издевки, убирала опрокинутые горшки и овсяную кашу. Ведь другую работу ей все равно не найти и рассчитывать не на кого. Она с трудом закончила медицинское училище, после напряженного дня с безумными бабками, учеба давалась тяжело.

Получив заветный диплом, девушка стала искать другую работу, но везде требовались квалифицированные кадры с опытом, либо зарплата была настолько мизерной, что ее не хватит даже на оплату комнаты в коммуналке. В очередной раз пролистывая список вакансий, Мила наткнулась на объявление: частный загородный хоспис ищет сотрудников с проживанием. Среднее медицинское образование и опыт работы приветствуется. Мила отправила свое резюме и неожиданно получила приглашение на работу. Проживание для нее было только плюсом, а зарплату обещали в разы выше, чем она получала сейчас. Если ни на что особенно не тратиться, то за несколько лет работы можно отложить неплохую сумму. Девушка уволилась из дома престарелых и отправилась в хоспис, захватив нехитрые пожитки.

Когда миссис Моррис ушла, Мила обошла комнату и осталась очень довольна. По сравнению с тем местом, где она жила раньше, условия просто шикарные. Помещение было небольшим и узким, как пенал, но очень чистым и светлым. Кровать у стены застелена бежевым покрывалом, над головой плоский светильник, так что вечерами можно читать, не боясь посадить зрение. Потолок выкрашен светло-серой краской, мебель белая и абсолютно новая. Всю торцевую стену занимало большое окно с деревянными рейками. В шкафу висела новая форма и лежали белые полотенца. Девушка быстро разложила свои немногочисленные вещи, схватила полотенце и выскользнула за дверь.

Коридор оказался длинным и бесконечным. Серые обои, светлый пол, множество дверей, тусклые бра на стенах оставляют едва заметные блики на ковровой дорожке. Ничего себе! В этом хосписе даже есть ковры! Мила вспомнила обшарпанные стены и облезлый линолеум в муниципальном доме престарелых. Там о такой роскоши даже не помышляли. Наверное, в этом здании оборудовали последнее пристанище для очень богатых людей. Везде царила стерильная чистота, на ковре ни одной пылинки.

Душевая оказалась в самом конце коридора, скромные таблички на дверях изображали джентльмена в котелке и леди в шляпе. Девушка открыла дверь и оказалась в санузле. Там находились сразу три душевые кабины с матовыми перегородками и дверями – если кто-то моется будет виден только силуэт. А вот это отлично! В общаге студентам устроили общий загон со ржавыми лейками и Мила каждый раз стеснялась раздеваться в толпе малознакомых девушек. Некоторые из них могли отпустить циничные шуточки по поводу ее внешности или нижнего белья. Да и холод стоял просто ужасный. А здесь всё очень культурно, напротив душевых во всю стену повесили огромное зеркало и раковины идеально чистые. А на полке лежала запасная стопка полотенец.

Девушка быстро разделась, зашла в кабинку и включила горячую воду. Принять душ после дальней дороги – что может быть лучше? Неожиданно свет в помещении начал дрожать, как от сильного перепада напряжения. Лампы мерцали, издавая странный треск, еще немного и лопнут плафоны, засыпав осколками идеально чистый пол. А за матовой дверцей вдруг появилась большая темная тень. Девушке показалось, что в душевой стоит что-то огромное, какой-то исполинский человек, высотой до потолка в глухой черной одежде. Мила не сразу заметила его силуэт – мыло попало в глаза. Но явственно почувствовала чье-то присутствие, обернулась и

замерла, парализованная страхом. Существо медленно приближалось к матовой перегородке, заполняя собой все помещение и его холодное дыхание вызывало озноб. Будь Мила животным – ее шерсть бы встала дыбом от ужаса. Так кошки иногда шарахаются от темноты, словно видят в них неведомого призрака, недоступного для человеческого глаза.

Девушка быстро умылась горячей водой и спросила:

– Миссис Моррис, это Вы?

Звук собственного голоса показался слишком тихим и жалким, а вопрос остался без ответа. Мила понимала, что фигура за матовой перегородкой слишком большая для миссис Моррис. И вообще для любого нормального человека. Она почти доставала до потолка и заняла собой всю площадь санузла. Страх был таким леденящим, что Миле захотелось убежать подальше из идеально чистой душевой куда угодно, даже в муниципальный дом престарелых. Пусть там воняет горелой кашей и мочой, но вокруг находятся живые люди. Склонные, вредные, но совершенно не страшные.

Мила зажмурилась, а потом решительно открыла глаза и выключила воду. Что за дурацкое наваждение! Она быстро вытерлась полотенцем и осторожно приоткрыла дверь. Сердце сильно стучало, руки дрожали, а на коже появились мурашки. Сейчас огромный монстр набросится на нее... Но когда девушка выглянула за дверь, то не увидела ровным счетом ничего. Пустое помещение с белой плиткой сияло чистотой, из крана в раковину тихо капала вода. Никаких черных фигур и исполинских людей в душевой не было.

– Дурацкое мыло, – пробормотала Мила и снова стала тереть глаза.

Чего только не привидится от хронической усталости! Накануне увольнения она дежурила всю ночь и совсем не спала, а в дороге боялась задремать, чтобы не проспять нужную станцию.

Мила переоделась в новую униформу – простое серое платье, шапочку и белые кеды на плоской подошве. Форма сидела идеально, и девушка впервые улыбнулась себе в зеркале. Все складывается просто замечательно! Она поправила темные волосы и вышла в коридор.

Навстречу ей попала миссис Моррис.

– Ах вот ты где! Ну что, освоилась?

– Да, тут очень чисто и красиво.

Про жуткое видение в душевой, девушка, естественно, промолчала. Еще не хватало, чтобы ее приняли за душевнобольную. Да и не было там ничего, просто мыло попало в глаза и вызвало странную галлюцинацию.

– Хозяин любит чистоту, – светилась счастьем миссис Моррис.

– Хозяин? – переспросила девушка и прикусила язык. Может у них так принято? Но обычно руководителей подобных заведений называют главврачом или директором.

– Главного врача и, по совместительству, учредителя клиники, зовут мистер Паркинсон. Но иногда за глаза мы называем его Хозяином. Он очень великодушный человек, его все здесь очень любят. Уверена, что Вам он тоже понравится, – расплылась в улыбке старшая сестра.

– Это разве клиника? – снова спросила девушка.

В объявлении заведение значилось, как хоспис. Для клиники у Милы не хватит опыта, ведь она мало что умеет в качестве профессиональной медсестры.

– По документам это хоспис, – поджала губы миссис Моррис, – но мистер Паркинсон предпочитает называть его клиникой. Он считает, что даже самому безнадежному больному необходимо оставить шанс на выздоровление. Мы сейчас как раз идем к профессору, он всегда беседует с новичками, независимо от должности, на которую их принимают. Мы здесь все, как одна большая семья.

Мила вежливо улыбнулась, а внутри напряглась. А вдруг она не понравится главному врачу? Или не сможет ответить на какой-нибудь сложный вопрос из области медицины? И мистер Паркинсон решит, что она не обладает должной квалификацией, чтобы работать в

таком пафосном заведении. А ей совсем некуда идти и даже не хватит денег на обратную дорогу. Но делать нечего, девушка вздохнула и направилась следом за старшей сестрой.

Хоспис и правда выглядел круто. Широкие мраморные лестницы, современный ремонт, просторные холлы с мягкими диванами, повсюду множество цветов и кадки с фикусами. А на стенах в местах общего пользования висят большие плазменные панели.

– Это зоны отдыха, – на бегу комментировала миссис Моррис, – на первом и втором этажах палаты для больных, в отдельной пристройке кухня и столовая. Но многим пациентам мы приносим еду прямо в комнату. Вот там процедурная, смотровой кабинет, скоро сами все увидите. Кабинет мистера Паркинсона и его ассистента, доктора Боуви находится на втором этаже.

Несмотря на полное телосложение и немолодой возраст, миссис Моррис неслась по лестнице, как молодая лань.

Коридор, где располагались кабинеты руководства выглядел еще богаче – на полу наборный паркет из ценных пород дерева. Мила видела такой, когда ходила в музей. На стенах старинные картины в добротных рамах, большинство сюжетов на библейскую тематику, темные двери с позолоченными ручками. Миссис Моррис постучала в одну из них.

– Войдите, – послышался глухой голос.

Видимо двери хорошо подавляли звуки.

– Мистер Паркинсон, позвольте представить. Это наша новая медицинская сестра, Мила Эванс.

Девушка вежливо поздоровалась и замерла у двери.

– Проходите, не стесняйтесь, – улыбнулся профессор и указал на стул.

– Я Вас оставлю. Если понадобится, позовите, – и миссис Моррис вышла в коридор.

– Расскажите мне о себе, – профессор сцепил руки в замок и посмотрел на Милу внимательными голубыми глазами.

Он был немолод и напоминал доброго доктора из детского мультика. Пухленький, беленький, с аккуратной седой бородкой, на носу очки, которые делали его взгляд немного рассеянным.

– Не стесняйтесь, мы все здесь, как одна большая семья. Не сомневаюсь, что Вам у нас понравится, – доктор подбодрил оробевшую Милу.

Девушка начала рассказывать свою нехитрую биографию: где родилась, где училась. Назвала и последнее место работы.

– Родственники есть? Братья, сестры?

– Только мама.

– Ну и отлично, – профессор остался доволен собеседованием, хотя совершенно не интересовался ее навыками и умениями.

– Я хочу немного рассказать Вам о нашей клинике. Я не очень люблю слово «хоспис», от него веет какой-то безнадежностью, не находите?

Мила послушно кивнула.

– У нас проживают люди разной возрастной категории, все они очень больны. Но я считаю, что у каждого человека есть шанс на выздоровление. Так что мы лечим всех, несмотря на смертный приговор, который подписали им другие врачи. Наши пациенты дали согласие на альтернативное лечение, но этот вопрос будет вне зоны Вашей ответственности. Вы просто будете ухаживать за пациентами, давать им лекарства, ставить капельницы в соответствии с лечением, которое назначу я или мой ассистент, доктор Боуви. Между прочим, очень талантливый молодой человек, без него я бы не справился.

– Вам здесь нравится? – неожиданно осведомился профессор.

– Да, очень, – искренне ответила Мила, – все очень чисто и красиво.

– Вот и чудненько! – обрадовался доктор, – для нас очень важно, чтобы персонал клиники чувствовал себя комфортно. Как вы заметили, мы живем на удалении от города и никаких особенных развлечений в округе нет. Не каждый захочет жить в полной изоляции от внешнего мира, так что мы стараемся сделать пребывание людей максимально удобным. То же самое относится и к пациентам. Не скрою, большинство из них действительно умирают, ведь их болезни неизлечимы. И даже если мы не сможем им помочь, то прикладываем все усилия, чтобы их последние дни были счастливыми. Вы готовы помогать этим несчастным вместе с нами?

– Да, конечно, – согласилась Мила. В муниципальном доме престарелых никто из врачей о таком даже не думал. А старшая сестра могла запросто пожелать кому-либо из пациентов сдохнуть побыстрее.

– Вы очень добрая и милая девушка. И я очень рад, что у Вас осталось сострадание. Сейчас это редкое качество для молодежи.

Профессор выдержал недолгую паузу и продолжил:

– Миссис Моррис введет Вас в курс дела. Если адаптация пройдет успешно, то месяца через три мы поднимем Вам зарплату еще на тридцать процентов.

Ничего себе! Да это целое состояние.

– Спасибо! – Мила была искренне благодарна доброму доктору.

– Изоляцию от общества и отсутствие развлечений надо чем-то компенсировать, – развел руками профессор и опять заулыбался. Около глаз собрались мелкие морщинки, – а то все кадры разбегутся. Если что-то понадобится или возникнут вопросы смело обращайтесь ко мне или к доктору Боуви. Мы с радостью Вам поможем.

– Большое спасибо, – снова поблагодарила счастливая Мила.

Ей реально повезло. Жить в старинном особняке, пусть и вдалеке от города, не тратить деньги на еду и одежду, да еще получить солидную прибавку к зарплате! О таком можно было только мечтать! Надо приложить все усилия, чтобы остаться в клинике подольше.

Когда девушка попрощалась с профессором и собралась покинуть кабинет, мистер Паркинсон неожиданно ее остановил:

– Мила, перед началом работы, Вам придется подписать бумаги о неразглашении информации. Врачебная тайна, да и пациенты или их родственники не хотели бы утечки персональных данных. Я уверен, что это формальность, Вы порядочная девушка и просто так болтать не станете. Но все же документы необходимо подписать.

– Да, конечно, я все подпишу, – послушно пролепетала Мила.

– И еще. У нас есть отличная библиотека здесь на втором этаже. Я лично собирал все книги, так что можете читать, сколько угодно. Только большая просьба не выносить их за пределы помещения.

Мила в очередной раз поблагодарила мистера Паркинсона и выскользнула за дверь.

Глава 4. Мила. Особняк с секретом

Прошло почти три месяца с даты приезда Милы в загородный хоспис. Точнее клинику, как просил называть особняк профессор Паркинсон.

За это время девушка вполне освоилась со своими рабочими обязанностями, которые оказались не такими уж сложными. От нее требовалось вовремя дать пациентам лекарства, поставить капельницу, померить давление. Когда кому-то становилось плохо, девушка немедленно вызывала доктора Боуви или старшую сестру миссис Моррис, и они сами занимались сложным пациентом, а ее отправляли за дверь. Может оно и к лучшему, смотреть на агонию умирающего и понимать, что помочь ты не в силах для молодой девушки было бы тяжело.

Обычно в клинике проживало не более двадцати пяти пациентов. У каждого имелась отдельная комната, гораздо более комфортная, чем у персонала. Там стояла удобная кровать, телевизор, кресло, шкаф и комод. Некоторые постояльцы просили принести им письменный стол или просто украшали палату милыми сердцу мелочами — любимыми картинами, фотографиями в рамках, комнатными растениями или шторами с цветами. Так что клиника совершенно не напоминала казенное учреждение, скорее уютную гостиницу с медицинским обслуживанием.

Для такого количества пациентов в хосписе было много обслуживающего персонала — несколько медсестер во главе с миссис Моррис, два медбрата, повар с помощниками, несколько уборщиц и даже садовник, он же разнорабочий. А вот врачей в клинике проживало только двое — профессор Паркинсон и его ассистент, доктор Боуви. Но видимо, богатые люди привыкли, что вокруг них носится толпа людей, готовая выполнять их малейшие прихоти.

После ада в муниципальном доме престарелых, Миле показалось, что она попала в рай. Ну или в длительный отпуск. Конечно, некоторые пациенты были тяжелыми, счет их жизни шел на дни, если не на часы. Но большинство подопечных все же чувствовали себя неплохо, сами себя обслуживали, довольно шустро передвигались по зданию и даже гуляли в парке вокруг клиники.

Как и предупреждал мистер Паркинсон, здание хосписа располагалось на значительном удалении от города, за высоким забором только непроходимый лес и болота. Особняк был большим и раньше принадлежал какому-то графу. Сейчас здание переоборудовали, сделали современный ремонт, оснастили дорогой медицинской техникой. Вокруг разбили большой сад с ухоженным газоном, подстриженными деревьями и кустарниками.

Правда коллектив подобрался мрачный и неразговорчивый, Мила чувствовала себя с коллегами очень неуютно. Все медсестры — безликие женщины среднего возраста, были молчаливы и почти никогда не улыбались. Самой разговорчивой оказалась миссис Моррис, но Миле она теперь совершенно не нравилась. Несмотря на внешнюю доброжелательность и радушие, девушку не покидало чувство, что старшая медсестра пристально следит за каждым ее шагом и старательно докладывает доктору Паркинсону о любых промахах. И стучит не только на нее, но и на весь коллектив.

Когда добродушная толстушка появлялась в холле или на кухне, коллеги полностью замыкались в себе и прекращали все разговоры. Мила очень пожалела, что в самом начале доверилась старшей сестре и рассказала про прежнюю работу и пожилую маму в провинциальном городе. Девушке не хотелось, чтобы доктор Паркинсон знал подробности ее безнадёжного финансового положения.

Санитары тоже выглядели более, чем странно, иногда Миле казалось, что оба пребывают в легкой стадии дебильности. Они молча выполняли всю тяжелую работу, переносили лежащих больных, разгружали машины с продуктами или бельем из прачечной, таскали какие-то

тюки и пакеты. Они же отправляли умерших в город. Однажды Мила стала свидетельницей, как черный мешок загружали в грузовик – как раз накануне умерла старейшая жительница хосписа, мадам Булонье.

И несмотря на современный ремонт, светлые стены и улыбчивого доктора Паркинсона, особняк теперь казался довольно мрачным. Днем, когда солнечный свет пробивался сквозь серые тучи и освещал огромные окна и холлы, здание действительно казалось светлым и уютным, как в первый день ее приезда. Но стоило опуститься сумеркам, как магия солнечного света исчезала, и клиника превращалась в хоспис – последний приют для смертельно больных.

Мила уговаривала себя, что мрачные мысли живут только в ее голове, она слишком впечатлительная для работы в таких местах, но чувство тревоги не покидало. Коридоры казались слишком длинными, глухими без окон, иногда в них мигал свет из-за перепадов напряжения. Вечерами больные и персонал прятались по своим комнатам, как испуганные мыши и не выходили до утра. Огромный особняк разом пустел и становился безлюдным, мрачным, как брошенный дом из фильма ужасов. Воспоминания о зловеще черной тени в душевой не к месту возникали в голове, казалось, что огромное нечто сейчас появится из-за поворота и заполнит собой все пространство. Но коридор был пуст и ничего страшного не происходило.

Больше всего девушка не любила ночные дежурства, к счастью, они выпадали нечасто. Но иногда все же приходилось сидеть на посту до утра в полном одиночестве. Если кому-то из пациентов становилось плохо, на пульте загоралась лампочка с номером палаты и Мила со всех ног неслась к больному. В ее смены еще никто не умирал, но девушка понимала, что это только вопрос времени. Рано или поздно ей придется проводить в последний путь кого-то из постояльцев. А пока в ее ночные дежурства люди просили воды или обезболивающее. Некоторым просто хотелось поговорить, тревожные ночи кого угодно сведут с ума. Возможно, пациенты чувствовали близкое дыхание смерти и присутствие рядом молодой девушки ненадолго отгоняло тоску и страх.

Альтернативное лечение тоже выглядело весьма странным. Помимо стандартного набора лекарств, вроде обезболивающего или таблеток, понижающих давление, Мила приносила пациентам пилюли без названия. Они так и назывались «Препарат номер один», или «Препарат номер семнадцать». Аналогичными были и капельницы, тоже под номерами – но что за растворы плескались в прозрачных банках – оставалось загадкой.

На закономерный вопрос, что же они дают пациентам и желанием хоть немного ознакомиться с историей болезни подопечных, миссис Моррис довольно резко дала понять, что Милу эта тема не касается. Профессор Паркинсон невероятно талантлив и лучше знает, чем лечить пациентов. В компьютере девушка видела карты больных, но кроме имени и номеров препаратов, не имела никакого доступа к личной информации.

Светило медицины, доктор Паркинсон, относился к молодой медсестре доброжелательно, всегда останавливался, чтобы поговорить на нейтральные темы или поинтересоваться ее настроением. Но чем больше Мила слушала сладкие речи профессора о сострадании, милосердии и любви к ближнему, тем отчетливее понимала, что уважаемый профессор врет. Да не просто врет, а брешет, как последняя сволочь. И облик доброго доктора Айболита в белом халате не более, чем камуфляж, на деле главный врач очень скользкий и неприятный тип. И все разговоры о том, что коллектив хосписа одна большая дружная семья, а он как добрый пастырь (или даже отец), опекает каждого, выглядели злой издевкой. Если вся семья мрачная, озлобленная или запуганная, то глава такого клана просто не может быть добряком. Иначе зачем он собрал вокруг себя такой специфический коллектив и почему они все его боятся? Самым добрым и простым человеком оказался садовник, да и то только потому, что проводил мало времени в стенах клиники. Он молча возился в саду, окапывал деревья, подстригал кустарники и ни во что не лез.

Мила тоже интуитивно поняла, что не стоит интересоваться альтернативным лечением и действиями лечащего врача. Девушка полностью замкнулась в себе, в основном молчала, а если миссис Моррис приставала с расспросами, аккуратно переводила разговор с собственной персоны на состояние пациентов.

Пациенты, к слову, тоже попадались разные. Возможно, многие чувствовали себя не очень хорошо, несмотря на лошадиные дозы обезболивающего. Они забивались в свои комнаты, смотрели телевизор, читали книги, исправно ходили на процедуры и осмотры, не торопясь гуляли по парку вокруг здания. Что за процедуры и какова их цель для смертельно больных людей – Мила не знала, всё происходило за закрытыми дверями.

Ассистент профессора, доктор Боуви вначале девушке даже понравился. Молодому врачу было немного за тридцать, высокого роста, худощавый, хищные черты лица – тонкие губы и острый взгляд, делали его похожим на птицу. Но всё же он выглядел гораздо красивее и моложе остальных сотрудников клиники (дебилы-санитары не в счет, этим недоумкам вообще трудно определить возраст). Доктор был неизменно вежлив и предупредителен, Милу всегда называл на «Вы», чем немало смущал. Девушка даже боялась, что ненароком влюбится в интеллигентного ассистента, хотя понимала, что она ему не пара. Мистер Боуви умный, красивый, вдобавок кандидат наук. А кто она? Простая медсестра из училища, бывшая троечница самой заурядной внешности. Ни способностей, ни красоты, ни денег, ни приличного образования. Клизмы ставит хорошо, но вряд ли мистера Боуви сразит такое умение.

К счастью, влюбленности не случилось. Мало того, с каждым днем обходительный доктор нравился ей всё меньше.

«Он темный. Злой. Будь аккуратнее», – твердило подсознание, словно в ее голове поселилась мама-учительница, всеми силами желающая удержать дочку от необдуманных поступков.

Правда и сам мистер Боуви относился к Миле более чем сдержанно и никаких знаков внимания не оказывал. Вслед не смотрел и глазами не раздевал. Если поначалу искренняя незаинтересованность ее обижала, всё-таки она единственная молодая девушка на много миль вокруг, а он даже головы в ее сторону не повернет – молча ест овсянку в общей столовой вместе с пациентами. Но со временем такое равнодушие ее даже радовало. Ей самой хотелось стать незаметной, не привлекать лишнего внимания, как и всем остальным медсестрам. За три месяца работы девушка стала такой же молчаливой испуганной прислугой, как и все остальные.

В большой семье мистера Паркинсона каждый имел личную причину находиться в особняке, но никто не горел желанием сблизиться с коллегами по несчастью. А еще предпочитал слиться с серой стеной и не отвечать. Странное чувство, учитывая, что никаких масштабных разборок и показательных наказаний в особняке не происходило. Никто никого не ругал, не устраивал публичные выволочки, как это было в муниципальном доме престарелых. Но вязкая тишина и необъяснимая тоска проникала в душу и разъедала ее изнутри, как кислота. А с наступлением сумерек находиться в здании становилось просто невыносимо.

Иногда Миле казалось, что весь персонал клиники тоже смертельно болен и доживает последние дни. Хотя за состоянием здоровья obsługi тоже тщательно следили – профессор каждому назначил витамины и биодобавки, а миссис Моррис зорко наблюдала, чтобы никто не пропустил ежедневный прием таблеток.

Первый нехороший звоночек прозвенел всего через месяц после трудоустройства девушки в хоспис. Мила сидела за столом на пульте дежурной, это была ее первая ночная смена. Девушка читала книгу, свет от настольной лампы выхватывал из темноты ее худенькую фигуру в сером платье и шапочке-таблетке. На ночь в главном коридоре приглушали свет, так что в здании царил полумрак. Девушка вздрогнула и подняла голову – рядом стоял мистер Тревор в светлой пижаме и напоминал ожившего призрака.

– Простите, мисс Эванс, я не хотел Вас напугать.

– Ничего страшного, это я зачиталась, – девушка улыбнулась, – что случилось? Вам чем-нибудь помочь?

– Нет, все в порядке, – забормотал мистер Тревор, – точнее я умираю, но это естественно, и я уже смирился.

– Ну зачем Вы так! Мистер Паркинсон обязательно найдет лекарство, говорят очень многие в этой клинике вылечивают.

– Это неважно... для меня уже не важно.

Мистер Тревор неожиданно схватил ее за рукав и заговорил громким шепотом, боязливо оглядываясь по сторонам, словно их подслушивали:

– Уезжайте отсюда, прошу Вас! Чем быстрее, тем лучше! Здесь очень нехорошее место.

– Но я не могу... я только устроилась на работу.

– Да, Вы правы. И Вас отсюда никто не отпустит, уже не отпустит. Но придумайте что-нибудь! Что у вас тяжело заболела мама и Вас срочно вызвали к ней. Обманите их! – с мольбой заговорил пациент.

– Успокойтесь, мистер Тревор, все хорошо. Хотите, я дам Вам снотворное?

– Нет! – в страхе закричал пациент, – только не снотворное!

Да он безумен! И что теперь делать?

Неожиданно рядом возникла миссис Моррис. Интересно, что она делает в коридоре в столь поздний час? Она, что никогда не спит?

– Что случилось? – строго спросила старшая сестра.

– Ничего, – мистер Тревор разом притих, съежился, как сдувшийся шарик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.